

А.В.Федоров. Стиль и композиция критической прозы Иннокентия Анненского

Серия "Литературные памятники"

Иннокентий Ф.Анненский "Книги отражений", М., "Наука", 1979

OCR Бычков М.Н.

Идейное содержание, метод, эстетическое своеобразие во всяком подлинно художественном произведении литературы составляют органическое единство. Это положение полностью применимо к наследию Анненского в области прозы – его статьям о творчестве русских и западноевропейских авторов: они – не только памятники литературно-критической мысли, но и художественное целое.

Индивидуально-художественное своеобразие отличало критическую деятельность и других современников Анненского символистского и вообще модернистского направлений, в том числе поэтов. И естественно, что это эстетическое начало проявлялось в критике по-разному, т. е. в разном соотношении с чертами дискурсивно-логического подхода к анализу литературы – классической ли, современной ли.

В прояснении той общей картины, которую составляла русская критика конца 90-х годов и начала XX в. и которая до последнего времени была в общем мало изучена, большая заслуга принадлежит Д. Е. Максимова. В своем труде о творчестве Блока {Там же, с. 183-221, 221-239.} (во второй его части – "Критическая проза Блока") он посвятил этой задаче две специальные главы – "Литературное окружение" и "Кризис в критике" {Максимов Д. Поэзия и проза Ал. Блока. Л.: Советский писатель, 1975.}. Здесь впервые обобщающим образом, в результате глубокого исследования огромного материала, охарактеризованы в качестве критиков видные поэты-современники Анненского – Валерий Брюсов, Андрей Белый, Вяч. Иванов, К. Бальмонт и другие, а также представители иных литературных направлений, как близких к символизму, так и не соприкасавшихся с ним. Критическая проза А. Блока, являющаяся основным предметом внимания автора, изучена в книге с исчерпывающей полнотой. При этом автор все время имеет в виду и идейные позиции критиков и их стилистическую манеру. Об Анненском здесь говорится сравнительно немного, но сказанное о его современниках, в особенности же все относящееся к Блоку, помогает уяснить характер Анненского-критика, как в его отличиях от них, так и в том, что его с ними сближает. И наибольшая общность может быть констатирована между Анненским и Блоком.

По сравнению с критиками и теоретиками из лагеря символизма (и вообще модернизма) их обоих сближает тенденция к проникновению в социально-психологический смысл образов литературных произведений, их гуманистическая трактовка, и обоим чуждо специально-эстетическое (как у Брюсова – особенно в ранних статьях) либо абстрактно-философское или же мистическое их истолкование (как у А. Белого, Вяч. Иванова, Мережковского). Вместе с тем сформулированное Д. Е. Максимовым положение о том, что "символистская критика в своем господствующем русле стремилась превратиться в особый вид словесного искусства – статью поэтической, эстетизированной критикой" {Максимов Д. Указ. соч., с. 191. Курсив автора.}, более всего применимо именно к Блоку и Анненскому. Обоим чужды и чуть суховатая, сжатая деловитость высказываний Брюсова (особенно более поздних), и стилистическая размахистость Андрея Белого, перегруженность его статей и рецензий философской эрудицией, обилие в них разнообразных терминов, эксцентрическая порой парадоксальность образов, и сложный синтаксис и торжественный, поучительный, временами – чуть ли не жреческий тон критических выступлений Вяч. Иванова, и полная "красивостей" помпезная декларативность критической прозы Бальмонта.

Надо при этом со всей решительностью оговорить, что художественность критики, тенденция к ее эстетизации ни для Блока, ни для Анненского, ни для других названных писателей, кроме разве Бальмонта, не была чем-то самодовлеющим. Не была она и добавочным, усиливающим средством выразительности. Специфическая художественность формы критической прозы вытекала из полноты интеллектуальных и эмоциональных переживаний, вызванных литературными творениями, стремлением говорить о них на их языке или в меру возможности приблизиться к нему, заразить своими впечатлениями читателя. Надо еще при этом и подчеркнуть, что принципы "искусства для искусства" тут были ни при чем. К ним Анненский, хоть он и не избежал известных колебаний в поисках ответа на вопрос о назначении искусства, относился, как мы знаем, отрицательно {См. выше статью И. И. Подольской – с. 503-504.}. Здесь – черта, тоже сближающая автора "Книг отражений" с Блоком, для которого искусство было неотъемлемо от жизни, "нераздельно", хоть и "неслиянно" с нею.

Важно еще и другое. Анненского роднит с критиками-символистами и шире – модернистами – одна общая особенность, отличающая их от консервативных и либерально-буржуазных историков литературы и критиков начала века. Если те, как правило, обращались прежде всего к прагматическому "прямому" смыслу изображаемого, то Анненского и ближайших к нему по духу критиков (а среди них более всего Блока) привлекал внутренний мир писателя (нередко и в связи с биографическими реминисценциями) и глубинный смысл произведения, устанавливавшийся на основании многозначности, емкости художественного слова во всем диапазоне его образных и эмоциональных ассоциаций. Для Анненского – критика и эссеиста, так же как и для Блока, характерен интерес к трагически противоречивым переживаниям писателя и его героев (высказывания их обоих о Достоевском, о Гейне, об Ибсене, статьи Анненского о Тургеневе, о "Гамлете" и мн. др.). Это отражает присущий как им обоим, так и В. Брюсову и Белому пафос неприятия той действительности против которой восстают или которую болезненно воспринимают их любимые авторы. Общее у обоих с современниками-символистами – увлечение и Достоевским и Гоголем (вспомним этюд Брюсова о Гоголе "Испепеленный", многочисленные работы Белого о Гоголе).

Анненский, как и другие критики на рубеже XIX и XX столетий писал о поэтах, прозаиках, драматургах, которые были его современниками, – о Л. Толстом, Чехове, Горьком, Л. Андрееве, Бальмонте и других русских лириках, из зарубежных авторов – об Ибсене. Но и о классиках недавнего прошлого он тоже высказался не как историк литературы, а скорее как критик, потому что это недавнее прошлое оставалось исторически еще очень близким, представлялось вчерашним днем: ведь Анненский был на похоронах Тургенева, присутствовал на литературных вечерах с участием Достоевского, и о произведениях этих писателей он судит почти так, как критики-современники. К этому же близкому прошлому русской литературы тянулись живые нити от книг классиков середины XIX в. – Лермонтова и Гоголя. И к ним Анненский обращается тоже не как исследователь-историк, а как критик, встревоженный тем вопросами, которые встают для него в их сочинениях и наполняются жгучим